

РОССИЯ В
МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

АНЕКДОТИСТ И ЛЕТОПИСЕЦ СЛУХОВ

Придет пора, и ты, как все, умрешь,
Но смерть твоя не даст газетам пищи,
И гроба твоего на городском кладбище
Не окружит печально молодежь.
Случевский не почитит тебя своим куплетом,
Как гробовщик-поэт, — вот жребий твой каков!
И вместо всех торжественных венков
Два-три приятеля лишь явятся с «букетом»...

*Стихи Д. Д. Минаева
на смерть В. П. Бурнашева¹*

В этом предисловии я не ставлю задачу описать жизненный путь В. П. Бурнашева, он сам это сделал в помещенном далее автобиографическом очерке «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquisit de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев». Не буду я давать и общую характеристику воспоминаний Бурнашева, поскольку это хорошо сделано Ю. Г. Оксманом, статья которого для планировавшегося, но не изданного сборника воспоминаний Бурнашева впервые публикуется сразу после моего предисловия. Здесь я хотел бы показать, как получилось, что воспоминания Бурнашева, обладающие, при всех их недостатках, и немалыми достоинствами, до сих пор почти не переиздавались и никогда не выходили отдельным изданием.

У мемуаристов, как и у поэтов и прозаиков, складывается определенная репутация, которая определяет, будут ли в дальнейшем переиздавать их произведения. Но тут, помимо литературной ценности, есть еще дополнительный критерий оценки: достоверность. В результате одних мемуаристов ценят высоко, нередко переиздают, всюду цитируют и относятся к ним с полным доверием. Воспоминания других навсегда остаются на страницах старых журналов, и лишь время от

¹ Цит. по: *Либрович С. Ф.* На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 31.

времени добросовестный историк обращается к ним в поисках нужных сведений. И, наконец, третьи, подобно первым, также приобретают известность, но специфическую, «геростратовскую» — как фальсификаторы, лгуны и мошенники. Использовать их публикации в научной работе считается дурным тоном. Если не выходить из круга литературных воспоминаний, то в качестве представителей первой категории можно назвать А.И. Герцена, И.И. Панаева, П.В. Анненкова; второй — Р.М. Зотова, А.В. Старчевского, Р.И. Сементковского; третьей — А.Е. Грена, О.Н. Смирнову, фальсифицировавшую «Записки» своей матери А.О. Смирновой, П.П. Вяземского, автора писем и записок Оммер де Гелль. Один из известнейших мемуаристов, нередко относимых к последней группе, — Владимир Петрович Бурнашев (1810–1888).

За свою долгую жизнь ему пришлось служить на самых разных поприщах (в министерствах финансов, военном, государственных имуществ, внутренних дел и т.д.) и писать на разнообразные темы. В начале своего литературного пути он был журналистом, печатавшим в «Северной пчеле» широко читавшиеся статьи о русских предпринимателях и изобретателях из «народа». Потом переквалифицировался в детского писателя, автора художественных и познавательных книг². После этого он редактировал такие периодические издания, как «Эконом» и «Труды Императорского Вольного экономического общества», и опубликовал немало книг на хозяйственные темы.

Дебютировал Бурнашев в мемуарном жанре в конце 1850-х гг. и продолжал печатать воспоминания в начале 1860-х гг.³, но фамилии персонажей в них были изменены, к тому же издания, в которых он печатался, были адресованы не элитарной публике, а небогатым и не очень образованным людям, поэтому их не замечали в литературной среде.

Оказавшись в конце 1860-х гг. без службы и гарантированного дохода, он, стремясь заработать на кусок хлеба, подрядился помогать известному дирижеру и композитору князю Ю.Н. Голицыну в подготовке воспоминаний для публикации, превращая устный рассказ на французском языке

² См. подробнее: Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М., 2016. С. 60–64.

³ См.: Сдача архивных дел // Иллюстрация. 1858. № 36. С. 167, 170. Подп.: Вениамин Зедзет; Начальнические любезности (Из воспоминаний петербургского старожила) // Иллюстрированный листок. 1862. № 41. С. 366–368; № 42. С. 389–393. Подп.: Вениамин Зедзет; История с билетом (Из воспоминаний петербургского старожила) // Иллюстрированная газета. 1863. № 24. С. 378–379; № 25. С. 392–395. Подп.: Вениамин Игреков, и др.

в письменный русский текст⁴. Полугодовые беседы (нередко о скабресных сюжетах) с хорошо информированным князем помогли Бурнашеву, как он вспоминал впоследствии, «узнать много интересных подробностей о высшем петербургском обществе»⁵. В эти годы резко усилился интерес читателей к мемуарам (в 1863 г. возник журнал «Русский архив», в 1870 г. — «Русская старина»), и в начале 1870-х гг. Бурнашев решил попробовать проникнуть в толстые журналы. Дебютировал он в 1871 г. в журнале «Заря» мемуарными очерками об А. А. Аракчееве и вечерах у Н. И. Греча; публикации эти имели успех. В. П. Буренин отмечал, например, что в «Четвергах у Н. И. Греча» «довольно рельефно обрисованы Греч и его сотоварищ по журнальным подвигам Булгарин, живо представлены петербургские литературно-художественные нравы того времени»⁶. Редакции лучших журналов стали охотно предоставлять ему свои страницы⁷. Печатали он свои мемуары и в газетах «Русский мир» и «Биржевые ведомости». Теперь Бурнашева заметили, и литературные обозреватели стали писать о нем с похвалой. Первые рецензенты находили в его воспоминаниях «множество любопытных подробностей анекдотического характера и весьма оригинальный тон всего рассказа»⁸ и отмечали, что они, «кроме занимательности своей, имеют еще значение как весьма важный материал для изучения литературных нравов описываемой эпохи»⁹. Буренин писал, что «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной

⁴ См.: Голицын Ю. Н. Прошедшее и настоящее // Отечественные записки. 1869. № 10, 11. Отд. изд. — СПб., 1870.

⁵ Бурнашев В. П. Три рассказа покойного кн. Ю. Н. Голицына // Биржевые ведомости. 1873. № 196.

⁶ З. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 159.

⁷ См.: Из воспоминаний петербургского старожилы. I. Аракчеев и крестовская карусель. II. Четверги у Н. И. Греча // Заря. 1871. № 2, 4. Подп.: В. Б.; Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9–11. Подп.: Петербургский старожил В. Б.; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности. 1834–1850 // Там же. 1872. № 5–10, 12. Подп.: Петербургский старожил В. Б.; Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. № 9; Воспоминания о некогда знаменитом театре графа С. М. Каменского в г. Орле // Дело. 1873. № 6. Подп.: Гурий Эртаулов, и др.

⁸ А. О. [Авсеев В. Г.] Очерки текущей литературы // Русский мир. 1872. № 221.

⁹ Журналистика и библиография // Биржевые ведомости. 1872. № 224. Подп.: М. Н. См. также: Парголовский мизантроп [Скабичевский А. М.] Мысли и впечатления, навеваемые текущею литературою // Отечественные записки. 1874. № 7. Отд. 2. С. 99; Очерки современной журналистики // Одесский вестник. 1872. № 252. Подп.: С. Г-В. [С. Т. Герцо-Виноградский].

деятельности 1834–1850» «очень любопытны: они знакомят нас с особой журнальной чиновничьей средой той эпохи, когда процветала знаменитая “Пчелка” с двумя не менее знаменитыми редакторами»¹⁰.

Однако вскоре грянул гром: и герои воспоминаний, и люди, хорошо помнящие и знающие описываемую эпоху, стали отмечать многочисленные ошибки в датах и именах, неточности и т.д. А.И. Подолинский доказывал, что информация о нем в очерке «Мое знакомство с Воейковым» не соответствует действительности¹¹. В большой статье в «Русском мире» приводились десятки примеров ошибок и неточностей Бурнашева¹². В.П. Буренин советовал журналам, в которых печатается Бурнашев, «тщательно выметать из них всю ненужную и обильную труху и оставить лишь действительные и характеристичные факты и эпизоды»¹³.

Критические замечания были вызваны характером работы Бурнашева, который беллетризовал и сюжетизировал материал, сводя вместе персонажей, которые не могли тут собраться одновременно, и помещая длинные беседы, которые он не мог, разумеется, помнить. Но волна критики была вызвана не только и не столько этим. Дело в том, что Бурнашев был нетактичен и печатал сведения, которые компрометировали покойных влиятельных людей.

Бурнашев утверждал, что травлю организовали потомки Д.Г. Бибикова, Е.Ф. Канкрин и др. лиц, о которых он сообщал, в частности, и нелестно характеризующие их сведения. Проверить это мы не можем. Но один его враг хорошо известен — это П.А. Вяземский. Когда П.И. Бартнев опубликовал в своем журнале «Русский архив» очерк Бурнашева о Лермонтове, Вяземский всячески старался воздействовать на него, чтобы тот прекратил печатать бурнашевские мемуары. 6 марта 1872 г. он писал Бартневу¹⁴, что Бурнашев «известный враль и лжец». 14 марта 1872 г. по

¹⁰ *Он же.* Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 212.

¹¹ Воспоминания А.И. Подолинского. По поводу статьи г. В.Б. «Мое знакомство с Воейковым» // Русский архив. 1872. № 3/4. С. 856–865.

¹² Замечания на некоторые статьи из воспоминаний Петербургского сторожила В.Б. // Русский мир. 1872. № 217, 218. 22, 23 авг. Подп.: А.Р.

¹³ *З. [Буренин В.П.]* Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 212. 7 окт. См. также: Заметка // Русский мир. 1872. 25 окт. Подп.: Б.; *Сербинович К.* Заметка об отношениях Н.М. Карамзина к А.Ф. Воейкову // Русская старина. 1872. № 1. С. 147–149.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 139–147.

поводу очередной публикации Бурнашева он повторил: «Враль Бурнашев продолжает врать»¹⁵. Его племянник, Н. П. Барсуков, писал Бартеневу 18 сентября 1872 г.: «На днях я получил <...> письмо от кн. Вяземского, в котором он, как я и ожидал, негодует — за впускание в “Русский архив”, в сей священный ковчег старины нашей, “враля” Бурнашева, который прославился своими лживыми и холопскими сплетнями»¹⁶. В том же году Вяземский написал две эпиграммы на Бурнашева¹⁷. В письме от 20 сентября 1872 г.¹⁸ Вяземский продолжал свои инвективы против Бурнашева и прислал Бартеневу еще одну эпиграмму: «...охота была пускать Вам в “Архив” такого вряля и лжеца, как Бурнашев»¹⁹. Подобное отсутствие критической оценки и снисходительность могут подорвать доверие читателей к прочим документам, которые Вы у себя печатаете. <...> Что за сумбур и как могли Вы всё это напечатать. <...> вот еще маленькая отрыжка Вашему Бур или Врунашеву.

Быль молодцу, согласен, не укора²⁰,
 Но ложь укорой быть должна для молодца,
 А в рассказях твоих и врешь ты без разбора,
 И лжешь ты без конца».

Бартенеv оправдывался в письме от 26 сентября 1872 г.²¹: «...все доселе напечатанные в разных местах статьи его перебивались у меня в руках; я три года ему отказывал у себя помещение; но видя, что и “Р[усский] вестник”, и “Заря”, и “Русский мир” печатают мною отвергнутое, и статьи

¹⁵ Цит. по: *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский: материалы к историко-литературной биографии. М., 2020. С. 131.

¹⁶ Цит. по: *Федута А.* Сюжеты и комментарии. Вильнюс, 2013. С. 97–98.

¹⁷ См.: Русская эпиграмма: (XVIII — нач. XX в.) / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. Л., 1988. С. 233–234. Вторая эпиграмма тут неверно датирована 1874 г., правильно: 1872 г. См.: *Федута А.* Указ. соч. С. 99.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 459–460 об.

¹⁹ Имеются в виду следующие очерки Бурнашева: «Листки из памятной книжки» (1872. № 7/8. Стлб. 1606–1612) и «Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников» (1872. № 9. Стлб. 1770–1850).

²⁰ Эта поговорка взята Бурнашевым в качестве эпитафии к заметке «Qui pro quo с А. И. Подолинским» (Русский архив. 1872. № 7/8. Стлб. 1606–1612), в которой он отвечал на критический отклик Подолинского.

²¹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 130–131 об. Приношу искреннюю благодарность Л. И. Соболеву за предоставление копий писем Бартенева Вяземскому, цитаты из которых приведены в тексте со ссылками на РГАЛИ.

эти, несмотря на их фривольный тон, жадно читаются, решился я дать место двум-трем, по моему мнению, невиннейшим». Однако под давлением Вяземского он все же прекратил публикацию воспоминаний Бурнашева.

Бурнашев всячески отбивался, полемизируя с критиками²², но делал это тоже нетактично и только усугублял ситуацию.

Все упреки Бурнашеву были резюмированы в статье газеты «Гражданин». Там утверждалось, что «все его публикации отличались и отличаются <...> тоном полной самоуверенности в непогрешимости заключающихся в них рассказов, с категорическими подтверждениями, что все пишущееся автором основано на современных этим происшествиям памятных его записках. <...> [Однако] фактами, цифрами, ссылками на источники сокрушено было в прах разными лицами и в разных статьях почти все, что рассказывал г. Бурнашев. <...> Доказано было несомненно, что все рассказы г. Бурнашева, так сказать, кишат несообразностями, всякого рода анахронизмами, явными выдумками, решительными невозможностями». Автор, называя публикации Бурнашева «современной хлестаковщиной», предлагал «закрыть для нее доступ к изданиям»²³.

Маловлиятельный «Гражданин» был поддержан авторитетной газетой «Голос», фельетонист которой писал: «Сколько ни указывали этому “петербургскому старожилу”, что его “Воспоминания” полны всевозможных несообразностей, сколько ни советуют ему, чтоб он перестал лгать и путать, г. Бурнашев продолжает свое делать, болтает без умолку, перепутывает события, рассказывает то, чего не было и быть не могло, благо язык без костей <...>»²⁴.

²² См.: Ответ петербургского старожила на замечания графа А.Е. Канкринина // Русский мир. 1872. № 50; Еще несколько слов в ответ графу А.Е. Канкрину // Там же. 1872. № 64; Чудо-юдо в современной журналистике «Русского мира» // Биржевые ведомости. 1872. № 236; Наипоследнейшее объяснение с г. Комаровым // Биржевые ведомости. 1872. № 338, и др.

²³ Современная хлестаковщина // Гражданин. 1873. № 3. Подп.: Давнишний обыватель Петербурга. Бурнашев считал автором статьи П.А. Вяземского (см. его письмо В.Р. Зотову от 28 сентября 1875 г.: ИРЛИ. Ф. 548. № 28. Л. 128 об.), что вполне вероятно, поскольку издатель «Гражданина» В.П. Мещерский был родственником Вяземского (его бабушка по матери была сводной сестрой Вяземского) и они поддерживали общение (см. их переписку: <https://philolog.petsu.ru/grazhdanin/meschersky/vazemsky/vazemsky.html>).

²⁴ —р [Ковнер А. Г.] Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 32.

Призыв был услышан, и с 1874 г. Бурнашева почти перестали печатать в газетах. Он попытался публиковаться под псевдонимом. Но это не помогло: характер письма Бурнашева был таков, что его сразу же узнавали. В.П. Буренин писал: «Выдумки г. Бурнашева были неоднократно разоблачены в печати; журналы и газеты, печатавшие прежде на веру воспоминания его, убедившись в их вымысленности, перестали принимать статьи “Старожила”. Г. Бурнашев, вследствие мер предосторожности, принятых журналами, исчез из печати; читатели, введенные в заблуждение баснями г. Бурнашева, успокоились и даже забыли его. И вот вдруг в “Деле” появляется г. Гурий Эртаулов — совершенный двойник г. Бурнашева: та же манера повествовать о вздоре с невероятными мелкими подробностями, то же обилие неестественно длинных разговоров, происходивших полвека назад, наконец, то же игривое участие личности автора во всех воспоминаемых событиях»²⁵.

В довершение всего Бурнашев, испытывая безденежье, поступил в июне 1874 г. на службу в канцелярию III отделения. Хотя прослужил он там всего два месяца и занимался исключительно канцелярской работой, это стало известно в литературном мире и резко ухудшило отношение к нему. Он писал по этому поводу: «...общение мое с многими лицами, расположенными ко мне прежде, сделалось как-то натянутым с тех пор, как лица эти узнали о моем двухмесячном нештатном пребывании в стенах 3-го отделения <...>»²⁶.

В результате после 1875 г. мемуаристике Бурнашева доступ к печати был вообще закрыт. Он вернулся к детской литературе и к публикациям по сельскому хозяйству (во второй половине 1870-х — первой половине 1880-х Бурнашев печатался в «Земледельческой газете», журналах «Сельское хозяйство», «Природа и охота», детском журнале «Игрушечка», «журналах для народа» «Досуг и дело» и «Чтение для народа»); М.Н. Каткову он писал 8 июня 1885 г.: «...я поневоле пробираюсь лишь около детских, около иллюстрированных и около специально народных журналов»²⁷.

Мемуарное наследие Бурнашева не ограничивается опубликованными работами. В Пушкинском Доме в его личном фонде (Ф. 412) сохранилось

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 198.

²⁶ Бурнашев В.П. Два месяца занятий, по найму, в I экспедиции 3-го отделения С.Е.И.В. канцелярии в июне и июле 1874 г. // ИРЛИ. № 30934. Л. 3–4.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 262. Оп. 1. № 10. Л. 4.

большое число никогда не печатавшихся его мемуарных очерков, написанных во второй половине 1880-х гг. В последние годы жизни Бурнашев дарил и продавал свои не находящие сбыта воспоминания Лескову. Судя по всему, часть очерков он писал по прямому заказу Лескова, причем не для публикации, поскольку они были посвящены такой табуированной в русской литературе и журналистике теме, как секс. Лесков, познакомившийся с Бурнашевым в 1872 г. в доме В.В. Комарова, издателя и редактора газеты «Русский мир», в дальнейшем помогал ему публиковать воспоминания, в последние годы жизни Бурнашева, когда тот находился в жестокой нужде, печатно призывал помочь престарелому писателю²⁸, навещал умирающего Бурнашева, а после смерти писал о нем в рассказе «Загон» и посвятил ему статью «Первенец богемы в России»²⁹.

Это было не случайно. Помимо простой жалости к старику и присущего Лескову интереса к неординарным людям, здесь сказались следующие обстоятельства. Во-первых, это был для Лескова своего рода земляк, поскольку в юности Бурнашев жил в Орле, и он оставил ряд колоритных характеристик орловской жизни конца 1820-х гг. Во-вторых, своими чертами характера и литературной судьбой Бурнашев напоминал Лескова — те же неуживчивость и конфликтность, та же литературная неприкаянность и «внелагерность», тот же интерес к анекдотической истории и историческому анекдоту. Б.М. Эйхенбаум, который изучал творчество Лескова, записал в дневнике в 1923 г., что мемуарист и журналист «[П.В.] Быков советовал обратить большое внимание на Бурнашева — к нему Лесков ходил черпать вдохновение, пользуясь его бесконечными анекдотами и пр.»³⁰ Есть основания полагать, что в работе над «Левшой» и «Тупейным художником» Лесков отталкивался от публикаций Бурнашева³¹.

²⁸ См. опубликованные анонимно заметку в разделе «Хроника» «Нового времени» (1887. № 4201. 8 нояб.) и заметку «Больной и немущий писатель» в «Петербургской газете» (1887. № 323. 24 нояб.), а также статью «О литературных калеках и сиротах» (Петербургская газета. 1887. № 326. 27 нояб.).

²⁹ Исторический вестник. 1888. № 6. С. 534–564. Об их переписке и пометах Лескова на рукописях Бурнашева см.: Ключкова Л.П. Рукописи Н.С. Лескова: Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л., 1973. С. 13–15, 92–94.

³⁰ Эйхенбаум Б.М. Дневник // Филологические записки. 1997. Вып. 8. С. 243.

³¹ См.: Бухштаб Б. Об источниках «Левши» Н.С. Лескова // Русская литература. 1964. № 1. С. 60–64; Лепехин М.П. Бурнашев В.П. // Русские писатели 1800–1917: биографич. словарь. Т. 1. С. 371.

На волне успеха своих журнальных и газетных публикаций Бурнашев в 1873 г. подготовил книгу «Воспоминания петербургского старожила». Л.Н. Павлицеву он писал, что продал ее издателю М.О. Вольфу в октябре 1873 г. за 800 р. и в конце 1875 г. она должны быть издана в нескольких томах³². Рукопись состоит из трех частей: I «Воспоминания “петербургского старожила” из его жизни общественной, служебной и литературной (1820–30–40–50 и отчасти 60 годов)», II «Аракчеевщина под стенами Петербурга», III «Клуб анекдотистов и каламбуристов». В первую часть вошли многочисленные очерки, напечатанные Бурнашевым в журналах и газетах, во вторую — сокращенная версия книги «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850», которую он поместил в «Русском вестнике» в 1872 г., в третью — анекдоты³³, которые он печатал под таким названием в 1873 г. в «Биржевых ведомостях», а потом в «Петербургской газете», анекдоты из изданного им сборника «Энциклопедия весельчака» (1872–1873), многочисленные анекдоты, которые были вкраплены в его мемуарные очерки и которые он для предполагаемого издания вырезал (в прямом смысле слова) из них, а также ряд написанных для этого издания анекдотов, общим числом более двух сотен. Однако после резкой критики Бурнашева в печати Вольф не стал издавать его книгу.

Впоследствии Ю.Г. Оксман в июне 1931 г. подписал договор с издательством «Academia» на подготовку книги Бурнашева «Журналисты пушкинской поры» (с его предисловием и комментариями) со сроком выхода в 1934 г. В нее входили предисловие Оксмана, статья Лескова о Бурнашеве «Первенец богемы в России» и четыре обширных очерка Бурнашева («Воспоминания об А.Е. Измайлове», «Четверги у Н.И. Греча», «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания» и «Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников»), а также несколько приложений (аннотированный план статьи «Петербургские редакции и редакторы былого времени», фрагмент книги Бурнашева «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850», содержащий воспоминания об О.И. Сенковском, список анекдотических миниатюр, которые Бурнашев предлагал написать для Лескова, две подобные

³² ИРЛИ. № 30934. Л. 8.

³³ См. пояснительную записку Бурнашева (РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 7).

миниатюры «Битвы Булгарина с Лисенковым» и «Настоящий петербургский Хлестаков М.С. Хотинский» и записка Бурнашева для Лескова о любовнице министра финансов Е.Ф. Канкрин). Книга была подготовлена и сдана в издательство³⁴, однако не вышла. По-видимому, это было связано с тем, что тучи над издательством сгущались и после ареста его директора Л.Б. Каменева в декабре 1934 г. издательство выпускало преимущественно книги классиков или авторов, связанных с революционной деятельностью.

Поскольку репутация Бурнашева как автора недостоверных и местами лживых мемуаров прочно установилась, никто долгое время не делал попыток пересмотреть ее. Сошлюсь на такого выдающегося историка литературы, как Ю.Н. Тынянов, для которого Бурнашев — всего лишь «известный враль, автор <...> воспоминаний, которые терпеливо скомпонованы из низкосорт[ого] и фантастическ[ого] [материала]»³⁵. М.И. Гиллельсон и О.В. Миллер отмечали, что в своих мемуарах Бурнашев «часто сбивался на передачу анекдота и не один раз был замечен в ошибках и неточностях»³⁶. Относительно недавно замечательный знаток пушкинской эпохи В.Э. Вацуро тоже писал про Бурнашева (правда, не для печати, а во внутреннем отзыве), что «он вполне заслуженно пользуется репутацией мистификатора; его так называемые мемуары в значительной части представляют собой собрание непроверенных слухов, отобранных по принципу наибольшей эффективности»³⁷.

Тем не менее ссылки на воспоминания Бурнашева и цитаты из них можно нередко встретить в статьях о русской литературе первой половины XIX в. или в комментариях к публикациям материалов этого периода. Наглядно демонстрирует эту двойственность отношения к воспоминаниям Бурнашева издание «А.С. Пушкин в воспоминаниях современников» (1974), подготовленное высококвалифицированными

³⁴ См. рукопись книги, к которой приложен сопроводительный бланк издательства: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 20.

³⁵ Тынянов Ю.Н. О пародии [1929] // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 303.

³⁶ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М.И. Гиллельсона, О.В. Миллер; вступ. ст. М.И. Гиллельсона. М., 1989. С. 543.

³⁷ В.Э. Вацуро: материалы к биографии. М., 2005. С. 275.

исследователями, где можно прочесть про один его мемуар, что он содержит «фальсифицированные в реакционном духе рассказы о Пушкине, Гоголе, Воейкове и Подолинском», и в то же время встретить ссылку на другой его мемуар как заслуживающий доверия источник³⁸.

Все это объясняет, почему опубликованные воспоминания Бурнашева не переиздавались, а неопубликованные — не печатались³⁹.

Однако С.А. Рейсер полагал, что «даже в сочиненных деталях В. Бурнашев верно передает быт и отношения описываемого им времени»⁴⁰, а стоило И.Л. Андроникову проверить на достоверность мемуарный очерк Бурнашева о Лермонтове, как выяснилось, что «мелких промахов у Бурнашева достаточно, но ни в чем серьезном <...> он с другими свидетелями не разойдется» и у него «заведомо ложных сообщений нет»⁴¹.

Наша работа при комментировании текстов для настоящей книги привела к схожим результатам.

На мой взгляд, Бурнашев ничего не выдумывал с целью обмануть читателя. Он воспроизводил то, чему был свидетелем, пересказывал рассказы знакомых, а также слухи и анекдоты, которые бытовали в литературной среде. Однако его общение с литераторами было весьма фрагментарным, а деньги в первой половине 1870-х гг., когда в основном разворачивалась его мемуарная деятельность, ему были очень

³⁸ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. М., 1974. Т. 2. С. 413, 483.

³⁹ Исключением являются три небольшие публикации: [Фрагменты очерков «Четверги у Н.И. Греча» и «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания»] // Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Ред., вступ. статья и примеч. Н.Л. Бродского. М.; Л., 1930. С. 246–292; Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М.И. Гиллельсона и О.В. Миллер. М., 1989. С. 208–233 (со значительными сокращениями); Летописец слухов: неопубликованные воспоминания В.П. Бурнашева / Предисл., публ. и коммент. А.И. Рейтблата // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 162–174. Добавлю, что очерк Бурнашева о П.И. Шаликове был в сокращении включен в статью Н. Михайловой «Об одной книге из библиотеки Пушкина» (Альманах библиофила. М., 1987. С. 97–99), а очерк об А.П. Ермолове пересказан и частично перепечатан в статье Я. Гречишниковой «А.П. Ермолов в воспоминаниях В.П. Бурнашева» (Я — россиянин (Алексей Петрович Ермолов). Орел, 2002. С. 134–138).

⁴⁰ Рейсер С.А. Монтаж и литература // Аронсон М.И., Рейсер С.А. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 12.

⁴¹ Андронилов И. Лермонтов: исследования и находки. М., 1977. С. 42, 48.

нужны, поэтому он растягивал и беллетризовал свои тексты, во-первых, вводя в них сюжет (описание литературного вечера или визита к писателю) и, во-вторых, используя печатные источники. При этом он приводит массу конкретных сведений, нередко совершенно не нужных для изложения. Память его порой подводит, а возможность проверять информацию в библиотеке у него была не всегда. В результате у Бурнашева события разных лет в ряде случаев синхронизируются, лица, никогда не собиравшиеся вместе, сводятся в одно помещение и т.д. Бурнашев может неправильно привести имя и отчество известного лица, ошибиться в датировке события, но сами блоки, из которых он «складывает» свою «конструкцию», достоверны, то есть события имели место или, по крайней мере, о них шла речь.

К схожим выводам пришел ученик Оксмана Н.И. Мордовченко, который в заметках об очерке Бурнашева «Мое знакомство с Воейковым в 1830 г. <...>» писал: «Бурнашев отличается от многих мемуаристов тем, что пишет с цитатами, библиографическими ссылками, с оглядкой на других очевидцев воскрешаемой эпохи. Эти ссылки не всегда точны, он много доверяет памяти, цитаты в большинстве случаев не прикрепляются к источникам, но везде — густая насыщенность материалом. <...> обращение к старым журналам, о которых идет речь в воспоминаниях, сверка цитат и упоминаний показывает, что Бурнашев не выдумывал, а работал на материале»⁴².

Тут мы затрагиваем важную проблему мемуаристики. Дело в том, что разные аспекты воспоминаний могут быть в разной степени достоверны. Так, автор, будучи скрупулезно точным в датах и фактической стороне дела, может путем перестановки акцентов, «опущения» определенных деталей и т.п., даже избегая прямых оценок, дать событиям совершенно искаженную интерпретацию. С другой стороны, ошибаясь в деталях, мемуарист может исторически достоверно воссоздать атмосферу времени и репутации описываемых лиц. Нередко Бурнашев достаточно точно повествует о том, что видел и слышал сам, но наиболее ценен он там, где добросовестно фиксирует слухи, сплетни и анекдоты, циркулировавшие в русском обществе второй четверти XIX в. Сам слух может быть недостоверным, но он также является историческим фактом, и для правильного понимания событий прошлого нужно знать не

⁴² РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 2–2 об.

только событийную сторону, но и то, что думали и говорили об этом современники. В этом аспекте Бурнашев незаменим: его многочисленные мемуарные очерки — настоящая энциклопедия слухов и афористически запечатленных литературных репутаций.

Так что, если не ждать от его рассказов точных датировок или описаний какого-то конкретного события, а использовать сведения о бытовавших в то время слухах и анекдотах (а они тоже являются литературным фактом), или о внешнем виде, или о репутации того или иного литератора, мы получим ценную информацию. Кроме того, по некоторым второстепенным печатным изданиям («Северный Меркурий», «Гирланда», «Le Furet»), характерным для литературного быта того времени, воспоминания Бурнашева — по сути единственный источник сведений.

Отдельно нужно остановиться на любви Бурнашева к анекдотам. Он их запоминал, записывал⁴³ и рассказывал. С.Ф. Либрович вспоминал: «Бурнашев был усерднейшим рассказчиком анекдотов из жизни писателей, государственных и общественных деятелей. В его анекдотах, хотя и не всегда достоверных и полных сплетен, было однако много интересных черточек для характеристики разных лиц»⁴⁴. Первая треть XIX в. была периодом расцвета жанра салонного анекдота и славилась талантливыми их рассказчиками (Ф.В. Растопчин, Д.Е. Цицианов, В.И. Апраксин, А.М. Пушкин и др.). В салоны великосветские Бурнашев не был вхож, но нередко посещал менее значимые, а также литературные вечера (Н.И. Греча, А.Ф. Воейкова). Так или иначе, он располагал большим запасом анекдотов о русских литераторах, государственных и административных деятелях, военачальниках и т.д. В этом он не был одинок, ряд литераторов в ту эпоху собирали анекдоты: П.А. Вяземский, А.Е. Измайлов, А.С. Пушкин, Н.В. Кукольник

⁴³ Бурнашев не раз писал, что фиксировал различные разговоры и анекдоты в записной книжке (см., например: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 10. С. 602; № 11. С. 143; Воспоминания об А.Е. Измайлове // Дело. 1874. № 4. Паг. 1. С. 168. Подп.: Эртаулов). Правда, одновременно он утверждал, что его архив в 1864 г. сгорел (см.: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9. С. 278; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850 // Русский вестник. 1872. № 12. С. 703).

⁴⁴ Либрович С.Ф. Указ. соч. С. 30.

и др., первые два из упомянутых даже публиковали их⁴⁵. Но в их литературной деятельности это было маргинальной чертой, основную известность им приносили другие жанры.

Бурнашев же поставил анекдоты в центр своих писаний. Многими из них он заполнял воспоминания⁴⁶, ряд его мемуарных очерков представляли собой один растянутый анекдот⁴⁷, публиковал он и подборки анекдотов. Так, в 1872–1873 гг. он выпустил под псевдонимом И. Попов пятитомную книгу «Энциклопедия весельчака: Собрание 5000 анекдотов древних, новых и современных», а в 1873 г. вел в газете «Биржевые ведомости» рубрику «Клуб анекдотистов и каламбуристов».

Ряд исследователей считают, что в пушкинскую эпоху существовал анекдот как литературный жанр⁴⁸. С этим можно согласиться, но со значительными оговорками. Если, скажем, литературная сказка и литературная песня существуют независимо от фольклорных, то литературный анекдот — это обычно запись устного анекдота, пусть и литературно обработанная. Трудно представить себе, что кто-то специально создает анекдоты для публикации, а не для рассказывания. В печати анекдоты существуют или как запись устных анекдотов, или как элементы сложной литературной конструкции (например, «Table-talk» Пушкина или «Старая записная книжка» Вяземского, где анекдоты перемежаются воспоминаниями, размышлениями, остротами и т. д., создавая сложный синтез), или как основа для рассказа или короткой повести.

Иная ситуация сложилась в 1870-х, когда шли реформы (освобождение крестьян, судебная и военная реформы и др.) и быстро менялись образ жизни, бытовые условия и т. д. Как реакция на эти изменения усилился

⁴⁵ См., например: *Вяземский П. А.* Выдержки из записной книжки // Московский телеграф. 1827. № 6. С. 90–95; *Он же.* Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 218–230; *И. [Измайлов А. Е.]* // Благонамеренный. 1818. № 1; 1819. № 5; 1821. № 1, 3, 6; 1824. № 1, 2; *Он же.* Смесь // Северная пчела. 1829. № 102.

⁴⁶ См., например, очерки «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания» и «Воспоминания об А. Е. Измайлове».

⁴⁷ См., например: Невидимка уланский офицер // Биржевые ведомости. 1873. № 96; Рыцари-тамплиеры Невского проспекта (1829 г.) // Там же. 1873. № 136.

⁴⁸ См.: Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / Сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина; вступ. ст. Е. Курганова. М., 1990; *Курганов Е.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki, 1995 (переиздание в России: Анекдот и литературно-придворный быт. М., 2018); *Белова Н. А.* Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в. Нижневартовск, 2008.

интерес к прошлому. Многие персонажи анекдотов 1820–1840-х гг. к тому времени умерли, кроме того, и цензурные требования существенно смягчились, в результате возникла возможность обнародовать анекдоты того времени уже не как современный, а как исторический материал.

Е. Курганов в своих работах о русском литературном анекдоте выделяет две линии в его развитии — аристократическую и буржуазную. По его мнению, «Вяземский, создавая апологию русской дворянской культуры, обосновывая ее особую цивилизаторскую миссию, подчеркивая, что эта культура выразилась не только в шедеврах искусства, но и в несомненной высоте форм быта (“утонченность общежития”) <...> во многом опирался на литературный (историко-биографический) анекдот». В эти же годы (1830–1840-е) «беллетрист, драматург, поэт, художественный критик Н.В. Кукольник также стал собирать анекдоты. Причем отбор сюжетов проводился абсолютно целенаправленно, даже жестко, определяясь установкой на компрометацию блистательности придворно-дворянского быта, на резкое обнажение поверхностности российского европеизма и скрывающуюся под ним дикость нравов»⁴⁹.

Бурнашев был представителем второй линии, он по большей части стремился дезавуировать представителей аристократии и высокопоставленных чиновников. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в тех анекдотах нецензурного характера, которые он писал не для публикации, а для Н.С. Лескова, платившего Бурнашеву за них, чтобы поддержать престарелого и не имеющего ни пенсии, ни заработка литератора и чтобы, возможно, использовать в своей литературной работе (как использовал он автобиографию «Мой литературный формуляр...», опубликовав ее со своими комментариями в очерке «Первенец богемы в России»).

Составляя настоящий сборник, я оказался в сложной ситуации. У меня не было возможности собрать в этом издании все мемуарные тексты Бурнашева, поскольку получилось бы не менее трех объемистых томов, на что не рассчитана данная серия и что потребовало бы очень трудоемкой работы. Кроме того, «ретроспективные» (по определению автора) тексты Бурнашева можно условно разделить на три части, причем если первые две (собственно воспоминания Бурнашева

⁴⁹ Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. С. 186.

и воспоминания, записанные с чужих слов) можно отнести к числу мемуаров, то третья носит иной характер, представляя собой историко-литературные очерки, написанные на основе публикаций переписки и воспоминаний, как, например, обширный текст «Воспоминания об А.Е. Измайлове». О характере работы над этим очерком Бурнашев писал в 1867 г. В.Р. Зотову: «Воспоминания эти не вполне мои, так как я помню А.Е. Измайлова бывши тогда мальчиком очень небольшим; а переданы мне особою гораздо постарше меня и бывшею ему сродни. <...> Особа, мне сообщившая эти подробности и анекдоты, передала мне также очень много нигде не напечатанных и боявшихся строгости тогдашней цензуры стихотворений Измайлова (таких стихотворений в очерке нет. — А.Р.), а главное, полный за несколько лет экземпляр “Благонамеренного” (журнал Измайлова. — А.Р.) с презанимательною картиною того времени и понятий тогдашних»⁵⁰. Для написания очерка об Измайлове Бурнашев помимо комплекта «Благонамеренного» использовал еще несколько источников: «Мелочи из запаса моей памяти» М.А. Дмитриева (Изд. 2. М., 1869), статью Е.Я. Колбасина о Д.И. Хвостове «Певец Кубры» (Время. 1862. Кн. 6), письма Измайлова И.И. Дмитриеву (Русский архив. 1871. № 7/8) и статью А.Д. Галахова в «Современнике» об издании сочинений Измайлова (1849. № 12; 1850. № 10, 11). Собственно воспоминаний, даже чужих, там очень мало.

Не мог я следовать выбору самого Бурнашева, готовившего собрание своих текстов для издания у М. Вольфа. Он вырезал все анекдоты из очерков, объединив их с взятыми из печатных источников чужими в отдельный том, вычеркнул ряд фрагментов и, самое главное, насытил предисловие и некоторые очерки обширной, грубой и неубедительной полемикой со своими критиками. Тем самым он существенно изменил мемуары, а ведь литературным фактом стали именно публикации их в периодике.

Нецелесообразно было повторять и состав сборника Ю.Г. Оксманна, поскольку он планировал издать книгу весьма небольшого объема и использовал только публикации в журналах, причем его интересовали лишь мемуары о литераторах, а я считал нужным отразить также газетные публикации, в том числе воспоминания о государственных деятелях и о рядовых людях той эпохи.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 548. № 28. Л. 95.

Поэтому в сборник были включены те мемуарные очерки, которые являются, с моей точки зрения, наиболее интересными и информативными. Вначале помещены ключевые для мемуаристики Бурнашева очерки о литературных салонах, а далее они даны в хронологическом порядке описываемых событий.

Отмечу еще несколько моментов, касающихся содержания книги. В воспоминаниях Бурнашев неоднократно упоминает свой возраст, из которого следует, что он считал годом своего рождения 1812-й, однако в свидетельстве из консистории, данном в 1829 г.⁵¹, значится 1810 год. У меня нет сведений, какая из этих дат верна, я только оговариваю здесь это обстоятельство, чтобы не возвращаться к нему в комментариях.

Очерки Бурнашева печатаются с учетом современных норм орфографии и пунктуации, но с сохранением ряда особенностей написания Бурнашева («танцовать», «галстух» и т.п.), кроме того, в тексте раскрыты нестандартные сокращения имен и отчеств (типа «Вас. Гр.). Переводы части многочисленных предложений, приведенных в тексте на французском языке, были даны в оригинале. Возможно, перевод делали сотрудники периодических изданий, в которых печатались мемуарные очерки Бурнашева; хотя некоторые места переведены неполно или неточно, эти переводы оставлены без исправлений. При комментировании использованы те примечания Ю.Г. Оксмана, которые носили исследовательский характер, с указанием, что они принадлежат ему. Реалии комментируются только при первом упоминании.

Хочу поблагодарить Веру Аркадьевну Мильчину, оказавшую неоценимую помощь в подготовке этой книги переводом с французского наиболее сложных выражений и комментариями некоторых французских реалий, а также Алексея Юрьевича Балакина, Илью Юрьевича Виницкого, Екатерину Игоревну Вожик, Наталью Александровну Гринченко, Ларса Клеберга, Татьяну Владимировну Мисникевич, Полину де Мони, Наталию Алексеевну Огаркову, Сергея Алексеевича Попова, Дамиано Ребеккини, Льва Иосифовича Соболева, Леонида Сергеевича Чекина, Манфреда Шрубу и Ирину Евгеньевну Юдину за справки по ряду конкретных вопросов.

А.И. Рейтблат

⁵¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Ед. хр. 7121. Л. 66.